Из батареи, пробивавшей брешь в левом бастионе, палили беспрерывно вот уже 36 часов, и брешь была уже удобна для проезда, но пушки могли умолкнуть лишь в момент приступа, так как иначе, вследствие гололедицы от выпадавшего небольшого снега и 24-градусного мороза, эскалада в полчаса стала бы невозможной.

Между прочим, из 5-ти главных колонн, которые я подробно описал, три были предназначены для того, чтобы заполнять интервалы; они были не так сильны, но подвижны и должны были поддерживать другие или приходить им на помощь при атаке.

17/6* в 4 часа утра войска собрались перед фронтом лагеря и приняли благословение священников. Всем солдатам было разрешено выйти из строя и пойти поцеловать крест, который держал священник; при этом каждый опускал на блюдо медную монету и возвращался в строй. Три четверти всех батальонов поступили, как предписывал религиозный обычай. В 6 час. колонны были образованы и каждая находилась на месте отправления. Было предписано строжайшее молчание на время всего перехода от траншей к окопам города. Сигналом служили 3 бомбы, долженствовавшие на заре привести войска в движение. При первой бомбе солдатам предписывалось сбросить на землю шубы и меховые башмаки, а при третьей - выступать.

* *17 декабря 1788 г.*

Каждой колонне было роздано достаточное количество досок для образования перехода через ров окопов. Пятая колонна, предназначенная к эскаладе, была снабжена лестницами.

Князь эту ночь провел в яме, вырытой для генералов траншеи, и его камердинер, находившийся у дверей, привыкший охранять покой князя, пока он его не позовет, даже на этот раз затруднил вход князю Репнину, главнокомандующему атаки, пришедшему объявить, что атака сейчас начнется (высшая степень пассивного послушания, о котором, кроме России, нигде не имеют представления).

Уже ощущалось приближение зари; раздалась первая бомба. Все мы были на своих местах; сбросили шинели и приготовились. Третья бомба двинула всех вперед, но тишина, столь необходимая и столь трудно достижимая при атаке у русских, была нарушена. Все время повторявшиеся крики "ура" предупредили о нашем приближении турок, которых нам удалось бы застать врасплох, не будь этой неправильности.

Несмотря на глубокий снег, расстояние мы пробежали в несколько минут, употребленные турками на приготовление пушек к нашему приему.

Как я уже сказал, я открывал шествие колонны принца Ангальта.

Я подошел со всеми своими людьми ко рву окопов. Доски, нужные для перехода, были сзади, но огонь всех родов орудий, который нам пришлось выносить, не давал возможности ждать их. Кроме того, я знал, что у края окопов, у городских ворот, мне придется пройти над минами, о которых я был тайно осведомлен, и ужасное действие, которое они могли бы произвести, очень важно было предупредить быстротой. Вследствие этого я решил приказать гренадерам перескочить через ров. Я повлек за собою первых, остальные последовали за нами; с помощью штыков (одни поддерживали других), а также благодаря крепости снега от мороза мне удалось достигнуть палисад окопов, перестроиться внутри окопов, и, не ожидая колонны, примыкавшей к хвосту моего отряда, я направился ускоренным шагом к Стамбульским воротам, опрокидывая штыками плохо сформированные турецкие войска, оказавшие сопротивление моему маршу.

Таким образом, замкнутой колонной я достиг края рва, площади перед воротами. Турки, ожидавшие атаку по всем пунктам, открыли ворота, чтобы выпустить сильную колонну на помощь войскам при окопах, и не ожидали встретить нас так близко. Они находились в это время в большом числе под сводами ворот, длиною около двухсот шагов. Хотя я и исполнил данные мне инструкции во всем объеме, тем не менее я решил, что было бы очень важно занять вход в город с этой стороны, чтобы закрепить общий успех. Не теряя ни минуты, я атаковал свод в замкнутом порядке, со штыками наперевес. Началась ужасающая неподражаемая резня, турки были опрокинуты и трупы падали на трупы. Мой отряд, ступая по трупам, топча груды трупов и раненных лишь холодным оружием, прошел этот темный кровавый свод, и мы очутились внутри города, покрытые кровью и мозгом.

Колонна, изображавшая на левый бастион бреши, имела, со своей стороны, полный успех, и я увидел переднюю часть ее в начале улицы, лежавшей против меня. Итак, общий успех был верен.

В этой ни с чем не сравнимой схватке я, однако, идя по мосту через ров, успел заметить тлевший около сосисона фитиль у входа в мину, от которого бы ее взорвало, если бы какой-нибудь турок подумал поджечь. Я послал туда. Фитиль погасили и таким образом спасли от опасности конец колонны.

Ужасный случай на минуту прервал резню и крики: взорвало пороховой погреб в углу внутреннего вала; взрыв был настолько силен, что на несколько секунд воздух омрачился от поднявшихся камней, пыли и дыма, которыми мы были окружены; но лишь только прояснело, резня всюду возобновилась. Только, пролив достаточно турецкой крови, русские солдаты согласились отдохнуть. Ровно в шесть часов русские вышли из траншей; без четверти девять наступила полнейшая тишина, весь город был взят и 11 000 турок прошли под ярмом. У русских было 2000 - 3000 убитых и раненых.

Я получил одну-единственную рану: укус в пятку; проходя через свод, наступая с трупа на труп, левая нога моя попала в промежуток глубиною в три или четыре трупа; человек, лежавший на самом низу и уже умиравший, схватил меня зубами за сухую ахиллесову жилу и вырвал кусок сапога и чулка; у меня только покраснела кожа, но не была содрана. Принц Ангальт, свидетель этого страшного поранения, сказал мне: "Я с удовольствием буду рассказывать о вашей ране, но не говорите ничего вы сами, потому что вам не поверят".

Сераскир был взят в плен, но пощажен*. Принц Ангальт собрал свои войска, и, с ружьями к ноге, мы ожидали дальнейшего приказа князя, счастливые и удовлетворенные окончанием наших бед. За эти полчаса ожидания, когда мы уже не были в таком движении, как в течение двух предшествовавших часов, мы страдали от мороза, дававшего себя болезненно чувствовать, когда мы стояли на одном месте. "Какая досада, - сказал я принцу Ангальту, - что мы не придумали способа, чтобы доставить нам наши плащи. Пожалуй, умереть от мороза еще печальнее, чем быть убитым". Не успел я окончить своего размышления, как тот лакей-поляк, которого я захватил проездом через Варшаву, подал мне мой плащ. Он счел себя обязанным (без приказания), молча, последовать за мной на приступ, как бы он сделал, если бы я отправился в столице в театр.

* *Сегюр, виденный его в Петербурге, хвалит его ум и достоинство (Souvenirs, т. II, стр. 157).*

Невозможно постичь подобную черту точности и верности и невозможно умолчать о ней: кто бы еще, принадлежащий к какому угодно классу, был бы способен на столь бескорыстное поведение, на столь смелый поступок и по доброй воле?

Принц Ангальт получил приказ отвести свою колонну обратно в лагерь. Очень немного войск было назначено занять город, который следовало очистить от трупов, чтобы не подвергать опасности солдат на квартирах. Потребовалось несколько дней, чтобы жители, спасшиеся от резни, перенесли мертвых на середину лимана, потому что земля настолько промерзла, что нельзя было их похоронить. Они оставались на льду при устье реки до первой весен ней оттепели. Тогда вода своим течением увлекла их в море вместе со льдинами. Вид этих ужасных тел на поверхности лимана, сохраненных морозом в тех положениях, в каких они умирали, представлял собою самое ужасное, что только можно вообразить. Мороз предохранял нас от вредного воздуха, следствием которого неизбежно было бы опустошение в войсках от заразы.

Распоряжения князя Потемкина относительно приступа были очень хороши, о чем легко было судить, подробно осмотрев окружность окопов. Французский инженер Лафит, отозванный из Очакова до начала кампании г. Шуазелем, послом в Константинополе, не успев довести окопов до вод лимана, поставил знаки. Промежуток, оставленный по его вине между берегом и окопами, дал возможность завладеть городским бастионом и благоприятствовал пробитию бреши и эскаладе. К тому же, вследствие того что в окопах находилось меньше 30000 человек, некоторые места были слабо защищены, а в городе было только 14 000 воинов. Это-то и обеспечило успех всех атак, как в предместье Гассан-паши, так и на окружности окопов. Сераскир хотел выставить сопротивление по всем пунктам, а потому и оказался по всем слишком слабым. Тем непонятнее становятся те 6 месяцев, которые употребил князь на подобного рода осаду. Так как город не имел никаких внешних укреплений, кроме окопов, то при открытых траншеях достаточно было двух недель; тем легче было атаковать до доставки подкреплений, которые флот высаживал, как мы это видели, в несколько приемов. Мне кажется, я уже говорил о том, что в продолжение 6 месяцев проходил редкий день, когда бы не работали над каким-нибудь укреплением против города, и требовалось больше довлости на то, чтобы продлить осаду, чем на то, чтобы окончить ее в 3 недели.

Итак, причины такого промедления нужно искать между политическими и личными причинами князя; мне кажется, что на поведение князя имели влияние именно причины этих двух родов.

Кроме того, было и желание возложить всю тяжесть кампании на австрийцев; желание парализовать действия фельдмаршала Румянцева, весьма виновного, со своей стороны, в том, что он не двинулся к Дунаю и таким образом дал власть врагам князя Потемкина, которую тот к нему питал; желание продлить войну, чтобы сохранить свое военное первенствующее положение, которое он ставил выше всего; желание закончить кампанию военным действием, которое бы осталось памятным и казалось запутанным, для чего, впрочем, довольно было недостатка опытности и даже непростительных ошибок.

Но только в России и только генералу - фавориту императрицы возможно бесполезно и безнаказанно жертвовать временем и людьми. И только генерал-фаворит государыни может самовольно изменять порядок распределения в армии, не обращая внимания ни на старшинство, ни на чин. Вышеназванный Горрич, который, как я уже сказал, командовал колонною, назначенной атаковать брешь, был Георгий в азиатском костюме, только этим и замечательный и не имевший никакого чина в лизейных войсках армии. Правда, над ним были еще генерал-лейтенанты Миллер и Самойлов; но низшие генералы и полковники были, по справедливости, обижены предпочтением, которое князь отдавал человеку, столь чуждому подобного рода службе. Он сам доказал, как мало он был способен. Он был поражен предчувствием, ставшим замечательным, благодаря своему исполнению. Когда принцы в траншею предупредить его о том, что собираются дать сигнал для атаки, то застали его с опущенной на руки головой, погруженного в размышления; потребовалось несколько минут, чтобы привести его в себя; наконец он поднялся, уверяя, что исполнит свой долг, но чувствует, что будет убит. Действительно, он довольно твердо прошел до низа бастиона и в то время, как приказывал установить лестницы, был убит двумя пулями. Генерал-майор князь Волконский, являвший в течение всей осады доказательства безумной смелости, имел то же предчувствие и тоже был убит. Немного генералов было убито, и ни одного из самых видных.

Час спустя после того, как мы привели войска обратно в лагерь, принц Ангальт и я явились к князю Потемкину. Он принял нас с большой любезностью, которою владел в высшей степени; так же любезно встретили меня и его красивые племянницы, одну из которых я увидел снова с тайной и совершенной радостью. Такого рода счастье, считающееся столь приятным, никогда никому не служило такой быстрой наградой за такое жестокое счастливое утро. Подобного наслаждения обыкновенно приходится ждать до возвращения на квартиры или в столицу; мне же оно явилось в первый миг, и я думаю, что подобного очарования никто никогда не ощущал. После первых доказательств расположения князь сказал мне: "Теперь нужно подумать о Петербурге. Входит ли это в ваши планы отправиться туда?" Я уверил его, что смотрю не только как на удовольствие, но и как на обязанность возможно скорее отправиться на поклон к императрице. "Ну, что же! - ответил он. - Я вас туда и отвезу. Не покидайте меня больше, я беру на себя все устроить для вас. Отправьте только вперед все, что вам необходимо, а остальное предоставьте мне".

Он слишком хорошо руководил мною до сих пор, чтобы я стал колебаться согласиться на его предложение, и было решено, что он отправится на несколько дней в объезд, чтобы осмотреть сооружения, начатые им в Витовке для устройства нового порта, что затем он вернется и проведет 3 дня в Очакове и что мы после от правимся в Херсон, оттуда в Кременчуг и наконец в Петербург.

Князь находился в объезде до 27 декабря, а вернувшись, он вошел в Очаков, где ему приготовили наименее разрушенный дом. Хоть я и был изумчен морозом в 23? в моей палатке, я безропотно поддерживал князя, думая про себя, что ему легко потерять терпение. Однако 2 января 1789 г. князь обязал меня, а также и принца Ангальта поместиться в Очакове. И как плохо ни было убежище, которое мы там нашли, оно мне показалось дворцом в сравнении с тем, которое я только что оставил. Кроме того, испытываешь пленительное ощущение, находясь в городе, который пришлось атаковывать так долго и где отдых куплен ценою таких жестоких мук.